

НЕИЗДААННЫЕ СТАТЬИ
В. Ф. ОДОЕВСКОГО
О
ПУШКИНЕ

1

В архивном фонде А. А. Краевского в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, среди не пропущенных цензурой статей имеется статья о пятом томе «Современника» Пушкина, выпущенном в свет стараниями друзей поэта вскоре после трагической его гибели.¹ Статья эта представляет собой правленную корректуру в 2½ столбца на развернутом листе бумаги с водяным знаком 1837 года, без подписи автора и даты. Зарегистрированная И. А. Бычковым в описании архива А. А. Краевского как безымянная,² она до сих пор не введена в научный оборот. Между тем эта статья представляет большой интерес для характеристики общественно-литературной борьбы в 30-х годах, в центре которой стоял Пушкин.

С обзором содержания журнала и надгробным словом великому поэту, основателю «Современника», статья сочетает полемику с литературными врагами Пушкина и защиту его журнальной деятельности. По почти полному совпадению второй части этой статьи со статьей В. Ф. Одоевского «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», написанной в 1836 году, но по цензурным условиям увидевшей свет только через 28 лет,³ точно определяется принадлежность ее перу В. Ф. Одоевского. Из указаний в тексте статьи и из переписки Одоевского видно, что написание ее шло чуть ли не одновременно с подготовкой пятого тома «Современника». Вычерки и исправления карандашом в тексте статьи, а также стоящая внизу карандашная помета: «Вторая кн.» сделаны рукой А. А. Краевского, который по предложенному Жуковским плану должен был подготовить вторую книжку «Совре-

¹ ГПБ., Отдел рукописей, фонд А. А. Краевского, отдел «О», № 1.

² И. А. Бычков. Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания, поступившего в 1889 году в имп. Публичную библиотеку, СПб., 1893, стр. 59, № 1.

³ «Русский архив», 1864, вып. 7—8, стб. 824—831.

менника» на 1837 год (VI том).⁴ Приводим текст указанной статьи, обозначая в квадратных скобках места, вычеркнутые Краевским, с краткими пояснениями в подстрочных примечаниях:

С о в р е м е н н и к ,
литературный журнал А. С. Пушкина,
изданный по смерти его кн. <П. А.> Вяземским, В. А. Жуковским,
А. А. Краевским, кн. В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым.
Том пятый, СПб. 1837. В Гуттенберг. тип. (8) XVIII и 340 стр.

Наконец нетерпеливое желание бесчисленных почитателей великого поэта, нами оплакиваемого, теперь удовлетворилось. Первая на нынешний год книжка основанного им журнала, который друзья покойного предположили издать и по смерти его, в пользу его семейства, уже вышла из типографии и поступила в продажу. Никогда еще в русской журналистике не являлось периодическое издание, в котором бы собрано было столько превосходных статей — лучших цветов с нероскошного поля русской литературы, как в этом томе «Современника». Там восемь⁵ нигде не напечатанных статей в стихах и прозе самого Пушкина; между ними одна полная поэма «Медный Всадник» и три *последние* в его жизни стихотворения, из коих одно «Молитва» отличается всею полнотою поэзии святой, глубокой и возвышенной; оно приложено в fac-simile вместе с начерченной самим поэтом на рукописи картинкою. Потом — никому до сих пор неизвестная статья Карамзина; стихотворение и трогательная, исторгающая слезы статья Жуковского о последних минутах Пушкина; стихи Баратынского, Языкова, гр. Р-й,⁶ Вяземского, Бенедиктова, Соколовского, Губера, Козлова; повесть Одоевского; статьи Тургенева, Погодина, и проч. Пересмотрите всю эту книжку «Современника» — не найдете почти ни одной статьи, которая не украсила бы лучшего периодического издания по крайней мере на целое полугодие. Эту книжку можно почитать как бы отличным русским альманахом, как бы воскресшими «Северными цветами» незабвенного Дельвига, которые могли быть собираемы только в продолжение целого года и с каждым новым годом восходили лучезарною звездою над горизонтом русской литературы.

Но прежде всего остановитесь с умилением над статьею Жуковского о последних минутах Пушкина; почтите слезою память знаменитого поэта, так рано отозванного от вас в вечность; запечатлейте в своей душе подробности предсмертных дней его, и, слушая раздирающий душу рассказ о страданиях и муках невыносимых, которым подвергалось в нем то, что было землею, подивитесь могуществу души, не осла-

⁴ Там же, стб. 832.

⁵ В пятом томе напечатано одиннадцать произведений Пушкина. Неточность Одоевского показывает, что статья писалась в то время, когда пятый том журнала еще готовился к печати и не был закончен.

⁶ Ростопчиной.

бевшей ни от каких телесных недугов и до последней минуты сохранившей всю свою энергию.

Читая теперь новые стихотворения Пушкина в этой книжке «Современника», как бы забываешь о том, что уже нет его между нами; кажется, не прошло еще то время, когда вся образованная Россия ожидала от певца своего новых стихотворений, как светлого праздника, — и получала их. . . Да, эта мечта еще продлится: публика всё еще будет в продолжение нынешнего года слышать в «Современнике» новые звуки его поэтической лиры и забываться, думая, что певец высылает их попрежнему из тиши уединенного своего кабинета; — но кабинет этот уже пуст, гений отлетел в далекую свою родину и оставил нам в отраду только то, что суждено было создать ему на земле. . . Пройдет еще год, издано будет полное собрание творений его, куда войдут многие сочинения, кроме тех, которые напечатаны в «Современнике», — и с той минуты настанет для Пушкина потомство. . . Потомство! . . о, оно оценит Пушкина; оно поместит его подле северных бардов времен Екатерины и Александра; потомство с благоговением будет изучать поэта: оно не поступит с ним так, как поступали некоторые современники. . .

Зачем при воспоминании о Пушкине невольно представляется прискорбная, тяжелая мысль о том, как у нас понимали его некоторые издатели журналов! . . Каким [клеветам, каким] оскорблениям не подвергали они поэта, который составлял нашу гордость! Как должны были казаться странными для иностранцев эти [мелочные, злобные] придирки к великому писателю, [которого мы должны были бы хранить, как драгоценное свое сокровище!]. . . Что же теперь? Эти господа, как слышно, уже горюют о Пушкине, даже чтят его память притворными похвалами. Позднее, [ложное] сожаление! . . ⁷ Кто поверит, что они не могли простить поэту даже издание «Современника»? Да! они доказывали, будто Пушкин уже более не поэт, потому что занимается изданием журнала. «Но не может быть», скажут, «чтоб эти люди, если в них есть [хоть искра литературной совести],⁸ не признавали [величия] гения в Пушкине: отчего же они вздумали [, дети бессильные,] нападать на него,⁹ [чернить?]». Отчего? . . Это не легко понять людям, не посвященным в журнальные тайны: это требует пояснений. И теперь, один раз навсегда, мы хотим раскрыть эти причины литературных гонений на Пушкина, причины, сделавшиеся неотъемлемою собственностью его будущей биографии. Мы хотели было сказать о них несколько слов еще при жизни поэта: смерть его остановила наши намерения; теперь же это кстати.

⁷ Травившая Пушкина «Северная пчела» по смерти поэта с «глубочайшей горестию» извещала о «невознаградимой потере» (1837, № 24, 30 января, стр. 94). «Библиотека для чтения» поместила статью Н. А. Полевого «Пушкин» (1837, т. XXI, отд. I, стр. 181—198) с сомнительными похвалами покойному поэту.

⁸ Эти вычеркнутые слова были Краевским заменены на «сколько-нибудь беспристрастия».

⁹ Вместо запятой Краевским поставлен вопросительный знак.

Надобно знать,¹⁰ что было время, когда Пушкин, беззаботный, беспечный [бросал свой драгоценный бисер на всяком перекрестке: сметливые люди поднимали его, хвастались, продавали и наживались;¹¹ ремесло было прибыльно]:¹² стоило надоест поэту и пустить в воздух несколько фраз о своем бескорыстии, о любви к наукам и к литературе; поэт верил на слово, потому что имел похвальное обыкновение даже не заглядывать в те статьи, которые помещались рядом с его произведениями. Тогда [все литературные промышленники]¹³ стояли на коленях пред поэтом, курили пред ним фимиам похвалы заслуженной и незаслуженной; тогда, если кто-либо истинно-благоговейший пред поэтом осмеливался сказать, что он не согласен с тем или другим мнением Пушкина, о тогда! . . . тогда горящие уголья сыпались на главу некстати откровенного рецензента. Сам Пушкин¹⁴ вспоминает об этом времени в¹⁵ «Евгении Онегине»:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы?
Себе встречал я иногда —
E sempre bene, господа.

Но есть время всему. Пушкин возмужал, Пушкин понял свое значение в русской литературе, понял вес, который придавало его имя изданиям, удостоиваемым его произведений; он посмотрел вокруг себя и был поражен печальной картиною

¹⁰ Начиная от этих слов и до последнего абзаца Одоевский воспроизводит частью дословно, частью в пересказе свою же, тогда не напечатанную, статью «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина». Поскольку эта статья была написана Одоевским еще при жизни Пушкина, он принужден был несколько изменить ее характер. Некоторые допущенные им переделки заслуживают особого внимания. Так, например, говоря уже о прошлом, он еще более усиливает резкие характеристики гонителей поэта, с негодованием отзываясь об их самомнении и невежественном самодовольстве. Слова «площадную брань» он заменяет «площадной дракой»; враги поэта из «захвативших литературную монополию» превращены в «хотевших захватить в свои руки литературную монополию»; они не «знают», а только «думают», что им дано право распоряжаться литературной жизнью и смертью тех или иных писателей. С крайним возмущением Одоевский приводит теперь выдержки из их статей — образцы резких и наглых выпадов против поэта. С другой стороны, осуществляя уже суд «потомства», Одоевский подчеркивает значение деятельности Пушкина как великого национального поэта. Он говорит уже о руководстве Пушкиным русским литературным движением как о «долге», а не «деле» поэта, «слово» его называет «сильным словом», он вставляет определение «Современника» как «лучшего из всех русских журналов», сообщает с гордостью об «огромных, к несчастью, лишь приуготовительных трудах поэта». Снятие же применительно к Пушкину слов «народная слава» и замена «барона Брамбеуса» неопределенным «фразером» вызваны, несомненно, оглядкой на цензуру. Ниже все разночтения публикуемой статьи с текстом статьи «О нападениях...», кроме изменения настоящего времени на прошедшее, оговорены.

¹¹ Имеются в виду публикация нескольких стихотворений Пушкина в изданиях Булгарина, а также факты, вызвавшие негодование поэта, например перепечатка Е. Ольдекопом в 1824 году всего текста «Кавказского пленника». См.: Ю. Г. Оксман. Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (По неизданным материалам). (В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 1, Одесса, 1925, стр. 6—11).

¹² Взятые в квадратные скобки слова были заменены Краевским на «сам как бы не дорожил своими произведениями; гг. журналисты пользовались этим; это было довольно для них полезно».

¹³ Эти слова были заменены Краевским на: «эти господа».

¹⁴ В рукописи статьи «О нападениях»: «Сам поэт»; в «Русском архиве»: «Поэт».

¹⁵ Краевским здесь вставлено слово: «своим».

нашей литературной расправы, [ее площадною дракою,¹⁶ ее коммерческим направлением,] — и имя Пушкина исчезло на многих, многих изданиях. Что́ было делать тогда [литературным негоциантам?].¹⁷ Некоторое время они продолжали свои похвалы, думая своим фимиамом умилоствить поэта. Но всё было тщетно: Пушкин не удостоивал их ни крупницею с роскошного стола своего. И [негоцианты],¹⁸ думая,¹⁹ что в их руках находится исключительное право литературной жизни и смерти, решились испытать, нельзя ли им обойтись без Пушкина. . . И замолкли похвалы поэту, замолкли — когда же? когда Пушкин издал «Полтаву» и «Бориса Годунова», два произведения, доставившие ему прочное, неоспоримое право на звание *первого поэта*²⁰ России. О них почти никто не сказал ни слова, и это одно молчание говорит больше, нежели все²¹ так называемые разборы и критики.²²

Между тем²³ тяжело было признаться пред подписчиками, что Пушкин не участвует в том или другом издании, что он даже явно обнаруживает свое негодование против людей, хотевших захватить²⁴ в свои руки литературную монополию! Придуманно другое: нельзя ли доказать, что Пушкин начал ослабевать, т. е. именно с той минуты, как он перестал принимать участие в журналах этих господ? Доказать это было довольно трудно: «Полтава», «Борис Годунов», несметное множество мелких произведений, как драгоценные перлы, катались по всем концам святой Руси. . . Нельзя ли читателей приучить к этой мысли, напр.,²⁵ намекая об ней стороною, с видом участия, сожаления? . . . Над этим похвальным делом трудились многие, трудились прилежно и долго.

В одной статье «Северной пчелы», прошлого года,²⁶ по поводу перевода «Полтавы» Пушкина на малороссийский язык, эта мысль выражена очень просто и ясно: там сказано прямо, что Пушкин *упал совершенно!*²⁷ [Кем же произнесен этот приговор? «Северною пчелою»?²⁸ Нет, это уже слишком. . .] Как? Пушкин, эта радость

¹⁶ В статье «О нападениях»: «бранью».

¹⁷ Заменено Краевским на: «тем г-м журналистам?».

¹⁸ Заменено Краевским на: «они».

¹⁹ В статье «О нападениях»: «зная».

²⁰ В статье «О нападениях» без курсива.

²¹ В статье «О нападениях»: «все наши».

²² «Полтава» вышла в марте 1829 года, но критика большей части журналов отозвалась на нее позднее; в публике же, судя по письму Е. А. Баратынского к П. А. Вяземскому в мае 1829 года, о ней толковали «вкривь и вкось». Вышедший в декабре 1830 года «Борис Годунов» вызвал неодобрительные и полудообрительные статьи Плаксина и Камашева в «Сыне отечества» и Н. А. Полевого в «Московском телеграфе» 1831 года.

²³ В статье «О нападениях» далее следует указание на борьбу Пушкина с болгаринским направлением на страницах «Литературной газеты» и «Московского вестника», здесь опущенное (со слов: «... новая гроза» до слов: «Тяжел гнев поэта!»).

²⁴ В статье «О нападениях»: «захвативших».

²⁵ Слова «например» в печатном тексте статьи «О нападениях» нет.

²⁶ В статье «О нападениях»: «В статье С. Пчелы, подавшей повод к нашим замечаниям».

²⁷ Относится к статье П. М-ского «Полтава». Поэма А. С. Пушкина. (Вольный перевод на малороссийский язык Е. Гребенки. СПб., 1836). «Северная пчела», 1836, № 162, 18 июля. — Эта статья, доказывавшая падение таланта Пушкина, променявшего «золотую лиру свою на скрипучее... перо журналиста», по мнению Одоевского, была «сокращением всего того, что „Северная пчела“, „Сын отечества“ и „Библиотека для чтения“, под разными видами, с некоторого времени стараются втолковать своим читателям» («Русский архив», 1864, № 7 и 8, стб. 824).

²⁸ В статье «О нападениях»: «там осмеливаются говорить прямо, что Пушкин свергнут с престола (*détrôné*), — кем? неужели С. Пчелою?».

России,²⁹ Пушкин, которого стихи знает наизусть и поет вся Россия, которого всякое произведение было важным событием в нашей литературе, которого читает ребенок на коленях матери и ученый в кабинете, Пушкин — один человек, на которого даже и «Северная пчела» с гордостью укажет на вопрос иностранца о нашей литературе, Пушкин разжалован из поэтов «Северною пчелою»? — Кого же, господа, скажите, ради Бога, вы сыскали на его место? [творца Выжигиных, Алек. Анфимовича Орлова или какого-нибудь высокопарного]³⁰ фразера,³¹ пишущего мерные, коротенькие строчки [без смысла и называющего их стихами? . . .³²]. Но негодование, которое³³ невольно возбуждается [во всяком русском]³⁴ сердце при таком известии, исчезает, когда вы дойдете до причины, приведенной «Северной пчелою» такому несчастию. Знаете ли, отчего Пушкин перестал быть поэтом? Рецензент, пишущий под вдохновением «Северной пчелы», [в своей младенческой душе]³⁵ отыскал лишь следующую причину: «Пушкин уже больше не поэт, потому что издает журнал». . .³⁶

Было бы смешно возражать на такое обвинение, было бы обидно для читателей, если б мы стали вспоминать, что Карамзин и Жуковский, Шиллер и Гете были журналистами; мы оставим в покое [невинность] рецензента «Северной пчелы», [но]³⁷ обратимся к его учителям, или к тем людям, которые лучше должны понимать: отчего Пушкин издавал то, что вы называете журналом.

Многим было неприятно это известие; некто до того простер свою пронизательность,³⁸ что разобрал «Современник» прежде его появления и написал целую статью о *программе* этого журнала, когда эта программа³⁹ *не существовала*.⁴⁰ Всё это *понятно*;⁴¹ но скажите откровенно, кто был виноват в этом? кто виноват, если Пушкин принужден был издать особою книгою свое собрание отдельных статей о разных

²⁹ В статье «О нападениях» здесь вставлено: «наша народная слава».

³⁰ Краевским вместо этих слов поставлено многоточие.

³¹ В статье «О нападениях» вместо «или... фразера» стояло: «барона Брамбеуса».

³² Под «высокопарным фразером» — стихотворцем, которым Одоевский заменил «барона Брамбеуса» статьи «О нападениях», вероятно, подразумевались модные в 30-х годах стихотворцы, вроде Кукольника, Бенедиктова, Тимофеева и пр.

³³ В статье «О нападениях» искажение: слово «которое» понято как «полное».

³⁴ Вместо вычеркнутых слов Краевский поставил предлог «в», а после слова «сердце» добавил: «всякого здраво-мыслящего».

³⁵ Намек на незрелость и несамостоятельность суждений сотрудников Булгарина, которых тот, судя по воспоминаниям Греча, «брал и отставлял, привлекал и выгонял... непрерывно», рассматривая их «как наемников, питающихся от крох его трапезы» («Русская старина», 1871, т. IV, № 11, стр. 499), и требуя безусловного подчинения своему влиянию. О «младенческом» повторении рецензентом «Северной пчелы» мнений Булгарина Одоевский яснее высказался в одной из рукописей статьи «О нападениях», в которой в этом месте имеется отсутствующая в печатном тексте вставка: «Непростительно быть рабом своих страстей, но каково же быть рабом страстей и корысти другого? Бедное дитя!» (ГПБ, Отдел рукописей, Собрание автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский. «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», л. 4 об.). О «младенчестве» критики, бьющей «кого ни попадя, за что, про что неизвестно», говорится и в «Набросках и заметках из бумаг В. Ф. Одоевского», опубликованных в «Русском архиве» (1874, № 7, стб. 45—46).

³⁶ Одоевский имел в виду слова М-ского в указанной выше статье: «поэт умолк и сделался журналистом».

³⁷ Заменено Краевским на: «и».

³⁸ В рукописи статьи «О нападениях»: «прозорливость».

³⁹ В рукописи статьи «О нападениях» здесь стоит: «вовсе и не».

⁴⁰ Подразумевается резкий отзыв о «Современнике» О. Сенковского в «Библиотеке для чтения» (1836, т. XV, апрель, отд. «Литературная летопись», стр. 67—70).

⁴¹ В статье «О нападениях» подчеркнутые слова не выделены курсивом.

предметах? Не кажется ли вам это горьким упреком? . . . Если кто-нибудь в нашей литературе имел право на *голос*, то это без сомнения Пушкин. Всё давало ему это право: и его поэтический талант, и пронизательность его взгляда, и его начитанность, [далеко превышающая лексиконные познания большей части наших журналистов:]⁴² — ибо Пушкин не останавливался на своем пути,⁴³ как то случается часто с нашими литераторами: он, как Гёте и Шиллер, умел читать, трудиться и думать; он был поэт в стихах, и бенедиктинец в своем кабинете, как доказывают оставшиеся после него огромные, к несчастью лишь приуготовительные труды;⁴⁴ ни одно из таинств науки им не было забыто, и, счастливец! он умел освещать эту обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением! Ему ли было не иметь голоса в нашей литературе? . . .

Но где бы он нашел место для своего голоса? укажите. Не там ли, где каждая ошибка великого поэта⁴⁵ принимается, как подарок, с восхищением?⁴⁶ Или там, где посредственность [, преклоняющаяся пред литературными монополистами,] возносится до небес; а имена Шеллингов, Окенов, Ньютонов,⁴⁷ Гизо и Шампольонов произносятся лишь для насмешки?⁴⁸

Или там, где внушается недоверчивость ко всем живым [, возвышающим душу человека] мыслям⁴⁹ и где на их место ставится вялый [, бессмысленный] скептицизм, даже не поддерживаемый поэтическим юмором?⁵⁰ Или там, где нравы лучшего об-

⁴² Намек на «Энциклопедический лексикон» Плюшара, вышедший с 1834 года под редакцией Греча и являвшийся, по мнению Пушкина и Одоевского, «второй „Библиотекой для чтения“».

⁴³ В печатном тексте статьи «О нападениях»: «на своем пути, господя»; в одной из рукописей статьи было: «господя читатели».

⁴⁴ Строк: «как доказывают оставшиеся после него огромные, к несчастью лишь приуготовительные труды» — в печатном тексте статьи «О нападениях», естественно, нет.

⁴⁵ В статье «О нападениях»: «человека».

⁴⁶ Имеется, вероятно, в виду ликование Сенковского в «Библиотеке для чтения» 1836 года по поводу издания А. Пушкиным бездарного перевода «Вастолы» Виланда без обозначения имени переводчика, чем Сенковский воспользовался, чтобы поглумиться над «удивительными стихами» Пушкина, на самом деле принадлежавшими его лицейскому учителю Е. П. Люценко.

⁴⁷ «Окенов, Ньютонов» нет в печатном тексте статьи «О нападениях».

⁴⁸ В рукописи статьи «О нападениях» в 83-м переплете архивного фонда Одоевского к этому месту сделано следующее, не напечатанное в «Русском архиве» примечание: «Намек на журналы братства, и в особенности на тогдашнюю „Библиотеку для чтения“, где, ныне уже невероятный и невообразимый шарлатанизм истощал свои силы, в особенности против Шампольона и Гаммера, потому более, что дело было темное, доступное для весьма немногих, а между тем совершалась в очью басня Крылова о слоне и моське. Под влиянием общего страха, навидимого фалангою дружных журналов, никто не поднимал голоса против шарлатанства; лишь живший тогда в Петербурге французский ориенталист Шармуаи немного понимавший по-русски, осмелился, и то в особой брошюрке и на французском языке, вступить за Гаммера, говоря о так называемых критиках Библиотеки для чтения *que c'est gros Jean qui veut demontrer à son curé* (перевод: «что это грубый Жан, который хочет поучать своего священника», пословица, соответствующая русской: «Яйца курицу не учат»). Но эта брошюрка была прочтена немногими. Библиотека для чтения, кажется, и не упомянула о ее появлении. — Н. И. Греч, державшийся поодаль от всех этих дразгов, также, наконец, не выдержал и неоднократно выводил на свежую воду полонизмы Г. Сенковского и его изумительную претензию свое безграмотство выдавать за новооткрытые им законы русского языка» (лл. 7 об. — 9 об.).

⁴⁹ В статье «О нападениях»: «там, где попираются ногами все живые, все возвышающие душу человека мысли».

⁵⁰ В статье «О нападениях» далее: «Или там, где в продолжение целого года не найдешь ни одной строчки, над которою бы можно было остановиться?».

разованного общества осмеиваются людьми, которые не бывали в нем?⁵¹ [Или там, где, кажется, существует постоянное противодействие⁵² против всякой бескорыстной мысли, против каждого благодетельного открытия?] Или там, где [не знающие]⁵³ русского языка хотят ввести для него свои законы и объявляют себя *переправщиками* всей русской и иностранной литературы?⁵⁴ Или там, где пышные похвалы суть следствия [домашней сделки для продажи собственных произведений]?⁵⁵ Или там, где творец Выжигиных ставится наряду с Вальтер-Скоттом?⁵⁶ Или там, где путешествие на Медвежий остров ставится наряду с «Фаустом» и выше «Манфреда»?..⁵⁷

Такое ли направление Пушкин должен был поддерживать своим сильным⁵⁸ именем? [Тщетные замыслы! Они не удались. Плачьте и рвитесь⁵⁹ — ни одна строка Пушкина не освящала страниц, на которых печаталось во всеуслышание то, что было противно его литературной и ученой совести.

Да что вам и нужды до этого? печатали бы вы, издавали бы что угодно:⁶⁰ никто не мешал бы вам; вы имеете свой круг читателей:⁶¹ довольствовались бы ими. Журнал⁶² Пушкина не мог отбить у вас читателей; Пушкин не искусен был в книжной торговле; это было не его дело]. Его долг⁶³ был: показать хоть потомству изданием своего, даже хоть бы дурного журнала⁶⁴ (а «Современник» между тем был лучшим из всех русских журналов),⁶⁵ что он не участвовал в той [торговой спекуляции],⁶⁶ в которой для многих заключается литература; этот долг на него налагался его званием поэта, его званием первого русского писателя.

⁵¹ В статье «О нападениях»: «которые не бывали и в передней?».

⁵² В статье «О нападениях»: «постоянный заговор».

⁵³ Заменено Краевским на: «читающие себя знатоками литературного».

⁵⁴ Намек на Сенковского, выдававшего, по определению Одоевского, «свое безграмотство... за новооткрытые им законы русского языка» и занимавшегося беззастенчивыми переделками русских и иностранных повестей для публикации их в «Библиотеке для чтения».

⁵⁵ Заменено Краевским на: «пристрастия».

⁵⁶ В статье «„Мазепа“. Сочинение Ф. Булгарина» Сенковский в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II, отд. V), называя В. Скотта шарлатаном, представившим миру подложный род изящного, писал: «Никакой роман, быть может, не заслуживает двух листов серьезного разбора...; но всякий роман Булгарина без сомнения стоит этого жертвования со стороны русской печати, которая обязана нынешнюю свою жизнь сочинениям этого писателя. Без его „Ивана Выжигина“ Бог весть где бы мы еще были с нашею прозою и с нашими романами» (стр. 21).

⁵⁷ Булгарин в «Северной пчеле» (1833, № 269, 23 ноября) в «Обзрении новых русских романов и других произведений словесности» выдавал барону Брамбеусу за «Фантастические путешествия» патент на бессмертие, называя их «явлением необыкновенным не только в русской, но и в современной европейской литературе». Об «Ученом путешествии на Медвежий остров», входящем в их состав, он писал, что оно «глубокомысленно, как „Фауст“ Гете, и производит такое впечатление, как Байронов „Манфред“», но что «чувство филантропии дает сей статье преимущество пред двумя упомянутыми поэмами» (стр. 1073, 1075).

⁵⁸ В статье «О нападениях» слова «сильным» нет.

⁵⁹ В статье «О нападениях» далее: «преследуйте поэта камнями: они обратятся на вас же».

⁶⁰ В статье «О нападениях» слов «что угодно» нет.

⁶¹ В статье «О нападениях» добавлено: «людей, которые вам удивляются, свои олтари».

⁶² В статье «О нападениях»: «книга».

⁶³ В статье «О нападениях»: «дело».

⁶⁴ В статье «О нападениях»: «даже дурного журнала».

⁶⁵ В статье «О нападениях» всей фразы о «Современнике», данной в скобках, нет.

⁶⁶ В статье «О нападениях»: «гнусной монополии». Заменено Краевским на: «мелочной умственной деятельности».

[Но теперь Пушкина уже нет; «Современник» его издастся в четырех книжках на нынешний год, и потом прекратится; успокойтесь же и продолжайте по-старому печатать и хвалить себя. . .]⁶⁷

2

Приведенная статья Одоевского с надгробным словом поэту и характеристикой его литературной деятельности дала возможность установить принадлежность перу Одоевского и другого выступления, посвященного памяти поэта.

Мы имеем в виду знаменитый некролог, напечатанный в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» Краевского (1837, № 5, 30 января):

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща! . . . Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава! . . . Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина? . . . К этой мысли нельзя привыкнуть!

«29 января, 2 ч. 45 м. пополудни».

П. Н. Сакулин в своей монографии об Одоевском выразил предположение, что автором этого сообщения о смерти Пушкина был Одоевский, усиленно хлопотавший в 1837 году о переводе его на французский язык.⁶⁸ Текст новонайденной статьи представляет веское доказательство для подтверждения этого предположения.

В прочувственном тоне некрологической ее части, в характеристиках поэта в этой и других статьях Одоевского о Пушкине обнаруживается явное сходство с некрологом.

Приведем примеры текстовых параллелей.

«Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава! . . .», — читаем в некрологе, — «Пушкин, эта радость России, Пушкин, которого стихи знает наизусть и поет вся Россия, . . . Пушкин — один человек, на которого даже и „Северная пчела“ с гордостью укажет на вопрос иностранца о нашей литературе», — читаем в публикуемой выше статье о «Современнике». В статье Одоевского «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», с которой статья о «Современнике» тесно связана, в этом месте имеется еще большее тождество: «Пушкин, эта радость России, наша народная слава, Пушкин, которого стихи знает наизусть» и т. д.

«Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина? . . . К этой мысли нельзя привыкнуть!» — читаем в некрологе; «Читая теперь эти новые стихотворения Пушкина, . . . — говорится в статье о «Современнике», — как бы забываешь о том, что уже нет его между нами; кажется не прошло еще то время, когда вся образованная Россия

⁶⁷ Заменено Краевским на: «Вот причины, которые заставили Пушкина издавать особый журнал и которые мы сочли долгом изложить здесь».

⁶⁸ П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2, М., 1913, стр. 328—329. (см. электронное воспроизведение этой книги здесь: http://imwerden.de/pdf/sakulin_odoevsky_tom_1_chast_2.pdf)

ожидала от певца своего новых стихотворений как светлого праздника, — и получала их».

И там и здесь встречаем излюбленное Одоевским выражение, имеющееся и в статье его «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», и в статье 1837 года «Пушкин»: «всякое русское сердце».

«Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!» — писалось в некрологе; «Отчего же имя его нам родное, более народное, возбуждает больше сочувствия, нежели все делатели на других поприщах. . . », — говорилось в статье «Пушкин».

Отличия в этих выражениях, имеющих смысловую близость и текстовые совпадения, — лишь в большей лаконичности сообщения о смерти и в сознательном изъятии в статье о «Современнике» слов «народная слава» для уменьшения сходства с некрологом, вызвавшим недовольство правительственных кругов за возведение Пушкина в ранг великих людей, отечественных знаменитостей.

Некролог отразил безграничную народную любовь к Пушкину и боль утраты, с сознанием которой никак не хотело мириться народное чувство. Еще недавно, волнуясь и не теряя надежды, Одоевский писал в квартиру умирающего Пушкина:

«Карамзину,⁶⁹ или Плетневу, или Даю.

Напиши одно слово: лучше или хуже. Несколько часов назад Арндт надеялся. Одоевский».⁷⁰

Записка эта еще не была опубликована. Поскольку одним из адресатов ее являлся Даль, она не могла быть написана ранее двух часов 28 января, времени первого появления Даля в квартире умирающего поэта. Другой адресат — Плетнев находился там еще с вечера 27 января. Карамзин, не упомянутый в описаниях последних дней Пушкина, составленных Жуковским, Далем и другими, вероятно, сопровождал свою мать, Екатерину Андреевну, вызванную по просьбе Пушкина утром 28 января. Вероятнее всего предположить, что записка была написана вечером 28-го, когда Даль «провозгласил надежду и обманул было себя и других».⁷¹

По записке Даля о ходе болезни Пушкина, после 6 часов вечера «жар уменьшился, опухоль живота опала, пульс сделался ровнее и гораздо мягче, кожа показывала небольшую испарину. Это была минута надежды. Если бы пуля не раздробила костей, то может быть надежда эта нас и не обманула».⁷² В. И. Даль указывал, таким образом, что надежда мелькнула и у других. Записка Одоевского указывает, что такой момент надежды был и у Арндта. До сих пор из имеющейся литературы о дуэли и смерти Пушкина было лишь известно, что Арндт «с первого взгляда увидел, что не было никакой надежды», и подтвердил мнение первого доктора, Шольца, о «безнадежности положения его <Пушкина> и смертельности раны, им полученной», и что утром в 7 часов 29-го он «сказал. . . решительно, что всё кончено и что ему не пере-

⁶⁹ Карамзин Александр Николаевич (1816—1888), сын Н. М. Карамзина, поэт. Стихотворения его в 30-х гг. печатались в «Современнике» под псевдонимом «А. Лаголов».

⁷⁰ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 117.

⁷¹ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, ГИЗ, 1928, стр. 206.

⁷² Там же, стр. 209.

жить дня».⁷³ Мелькнула ли у Арндта и впрямь вечером 28-го числа надежда или, находясь в роли официального осведомителя правительственных кругов о состоянии Пушкина, он из тактических соображений смягчил обстоятельства?

Записка Одоевского написана через «несколько часов» после 6 часов вечера (по другим вариантам — «шестого часа»); учитывая показания А. С. Андреева, что «28 января в четверг — часу около девятого» слух о смертельном исходе был повсеместным,⁷⁴ полагаем, что записка была написана ближе к девяти часам вечера и, возможно, не была отправлена из-за встречного известия о безнадежности положения поэта.

В черновых заметках Жуковского о гибели Пушкина (запись пятая, опубликованная под заглавием «Действия друзей Пушкина»)⁷⁵ в перечне фамилий ближайших друзей и очевидцев смерти поэта, от которых Жуковский, повидимому, ожидал воспоминаний о последних днях Пушкина для составления полного их свода, а также и других заметок о Пушкине для воздействия на общественное мнение, указан и Одоевский. Можно предполагать, что некролог и статьи Одоевского входили в программу действий этого кружка.

Записки и письма перечисленных в этой записи лиц — Данзаса, Вяземского, Карамзиной, Даля, Спасского и др. — предназначались для распространения и предварительно обсуждались кружком ближайших друзей поэта во главе с Жуковским. Также был, возможно, просмотрен в этом кружке некролог, помещенный в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» А. А. Краевского.

На том лишь основании, что некролог был помещен в издании Краевского, Н. О. Лернер и Н. Л. Бродский приписали Краевскому и его составление.⁷⁶ Но в настоящее время общеизвестно, что ведущим членом редакции «Литературных прибавлений» был не Краевский, а Одоевский. Нет никаких оснований считать Краевского автором некролога. Фамилия Краевского, заключающая перечень друзей поэта, призванных к обработке общественного мнения, была Жуковским вычеркнута. Приподнятая интонация и фразеология некролога, созвучные с интонацией и фразеологией других статей Одоевского о Пушкине, не соответствуют умеренному выражению чувств, которое мы встречаем, например, в письме Краевского к Белинскому по поводу смерти Пушкина:

«Да, мы потеряли Пушкина — единственное вдохновение России, редкое и почти — случайное! Он уже погребен в Псковской губ. в монастыре „Святые Горы“, возле той деревни, где он прозвучал лучшие свои песнопения».⁷⁷ Тон Краевского спокойно-элегический, в нем нет того высокого пафоса и взволнованности, которые характерны для высказываний Одоевского о покойном поэте и, в частности, для некро-

⁷³ Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину (там же, стр. 180, 193); письмо П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 5 февраля 1837 года («Русская старина», 1875, т. XIV, стр. 92).

⁷⁴ А. С. Поляков. О смерти Пушкина. ГИЗ, Пгр., 1922, стр. 30.

⁷⁵ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 375—376.

⁷⁶ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 390; Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Гослитиздат, М., 1937, стр. 878.

⁷⁷ В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 95.

лога, которым Уваров был недоволен как «пышною похвалою» Пушкину.⁷⁸ Когда Краевскому для «Литературных прибавлений» понадобилось объявление о похоронах и последних днях поэта, он также обратился к Одоевскому.⁷⁹ На принадлежность некролога перу Одоевского указывает еще одно обстоятельство. Когда в том же 1837 году скончался известный баснописец И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский обратился с просьбой о составлении некролога для «Литературных прибавлений» опять-таки к Одоевскому.

«Горестное известие сообщаю Вам, — писал он Одоевскому в письме от 7 октября 1837 года, — Ив. Ив. Дмитриев скончался. . . Напишите краткое извещение о смерти его для следующего № „Литературных Прибавлений“ и покажите мне до напечатания».⁸⁰

В появившемся 9 октября 1837 года в № 41 «Литературных прибавлений» некрологе видна прямая связь с некрологом, посвященным Пушкину. «Еще великая потеря! 3-го октября скончался наш незабвенный поэт *Иван Иванович Дмитриев* после кратковременной болезни, — писал Одоевский. — Мы не замедлим сообщить нашим читателям печальные подробности сего события, которое растревляет в русском сердце еще свежие, незажившие раны!» (стр. 405).

Связывая новую потерю с недавней великой утратой и подчеркивая национальное значение обоих поэтов, Одоевский снова употребляет выражение «русское сердце». Гордость Пушкиным как «русским поэтом» пронизывает все высказывания о нем Одоевского, в высшей степени проникнутого патриотическим чувством и гордившегося тем, что «русский человек все-таки первый в Европе».⁸¹ Обе эти заметки связывает одно общее чувство, о котором Одоевский писал: «Мы любим *наше* отечество — *Россию* — как только сын может любить мать свою; нам дороги ее радости, нам горьки ее печали. . . ».⁸²

Некролог, посвященный Пушкину, органически связан с предшествующей статьей Одоевского о Пушкине конца 1836 года и статьями о нем 1837 года. Он является звеном в этой неразрывной цепи статей, одушевленных любовью к поэту как народной славе России.⁸³

Из всех этих статей лишь краткое известие о смерти по оплошности цензуры и проникло в печать. Статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» и статья о «Современнике» не могли быть напечатаны в то время, несмотря на все усилия, затраченные на это Одоевским и Краевским.

⁷⁸ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1893, стр. 381.

⁷⁹ См. письмо его к Одоевскому от 5 февраля 1837 года («Русская старина», 1904, т. 118, № 6, стр. 569).

⁸⁰ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898, Приложения, стр. 82.

⁸¹ Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. Сообщение А. И. Кошелева. «Русский архив», 1874, кн. I, № 2, стб. 287.

⁸² Литературные известия и замечания. «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1838, № 41, стр. 814.

⁸³ Во время подготовки настоящего сборника было опубликовано письмо С. Н. Карамзиной к Андрею Ник. Карамзину от 10 февраля 1837 г., в котором находится дополнительное подтверждение принадлежности некролога В. Ф. Одоевскому. С. Н. Карамзина пишет: «Одоевский умиляет своею любовью к Пушкину: он плакал, как ребенок, и нет ничего трогательнее тех нескольких строчек, в которых он объявил в своем журнале о смерти Пушкина» (И. Андроников. Тагильская находка. «Новый мир», 1956, № 1, стр. 195).

По объяснению, данному позднее самим Одоевским в рукописи статьи «О нападениях» в 83-м переплете его архива, причина этого запрещения коренилась в том, что дело происходило в «свинцовое десятилетие нашей журналистики». «Эта статья в ту эпоху, т. е. в 1836—1837 г., — писал он, — нигде *не могла* быть напечатана; не соглашались на то ни издатели, ни цензоры: кто по дружбе и расчетам, кто по страху; такова была сила тогдашней Северной Пчелы и ужас, ею наведенный; она считалась каким-то привилегированным изданием, и даже говорили тогда, что эта привилегия посредством каких-то подземных ходов была действительно закреплена канцелярским порядком; по крайней мере ей позволялось то, что другим запрещалось [реши-тельно] наотрез. Намекнуть о монополии Северной Пчелы на политические новости и ежедневный выход считалось делом самым предосудительным. В это время Библиотека для чтения, Сын Отечества и Северная Пчела, братски соединенные, держали в блокаде всё, что им не потворствовало, и всякое издание, осмеливавшееся не принадлежать к этой фаланге, хлестали в три [кнута] конца. Литературная газета и Московский Вестник, где по временам появлялись протесты против этого литературно-коммерческого заговора, читались мало, разве когда Косичкин налагал свою тяжелую руку на кого-либо из тогдашних диктаторов. Но вообще борьба была неравная, ибо тогда считалось делом обыкновенным наводить на противника подозрение в неблагонамеренности, вольнодумстве и прочих т. п. вещах. . . ».⁸⁴

Прежде всего отказался от печатания этой статьи андросовско-шевыревский «Московский наблюдатель», всё более скатывавшийся на охранительные позиции и становившийся в натянутые отношения с Пушкиным. «Если бы покойник (не тем будь помянут) нам не напроказил, дело шло бы лучше», — жаловался позднее С. П. Шевырев в письме от 8 сентября 1837 года Одоевскому.⁸⁵

В правленной Одоевским писарской копии статьи «О нападениях» имеется надпись на полях: «Януарию Михайловичу Неверову для возвращения князю В. Ф. Одоевскому». Эта надпись принадлежит не самому Одоевскому, как утверждал П. Н. Сакулин, а, как это было отмечено И. А. Бычковым,⁸⁶ С. П. Шевыреву, к которому адресовался вначале со статьей Одоевский.

Насколько можно определить по тщательно замаранным чернилами пометам под текстом статьи, она была написана в Симферополе в октябре 1836 года.

«Литературные прибавления» в это время еще не были в руках Краевского и Одоевского, другие петербургские журналы все были в руках противников Пушкина, и Одоевский, естественно, обратился во враждебный «журнальному триумvirату»

⁸⁴ Отрывок из предисловия, предпосланного к публикации статьи в 1864 году, но не напечатанного ни в «Русском архиве», ни при переизданиях статьи (в книгах: К биографии Пушкина, вып. II. М., 1885; Русские писатели XIX века о Пушкине. Л., 1938). Опубликовано полностью лишь в описании бумаг В. Ф. Одоевского с опущением вычеркнутых Одоевским слов (см.: И. А. Бычков. Бумаги князя В. Ф. Одоевского. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887, Приложение 2-е, стр. 46—49).

⁸⁵ Приписка к письму Н. А. Мельгунова В. Ф. Одоевскому от 5 сентября 1837 года. ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 758, л. 19.

⁸⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 год. СПб., 1900, стр. 198.

«Московский наблюдатель»,⁸⁷ со многими сотрудниками которого он издавна был связан по кружку «любомудров».

17 ноября 1836 года Одоевский писал Шевыреву из Петербурга: «Я к тебе послал статью из Симферополя. Перемени в ней, что найдешь сообразным с положением вашего журнала. Неизвестный автор за это не должен сердиться. Если будут недоумения, пришли ко мне сюда с вашими переменами. А ее напечатать весьма не худо».⁸⁸

Неизвестным автором в шутку называл Одоевский самого себя, так как статью, подписанную сначала буквами «Ө. С. Ө.», в конце концов оставил безымянной, вымарав и криптоним.

На это письмо Шевырев в начале января 1837 года отвечал: «... у нас ничего дурного не позволяется сказать ни о Сенковском, ни о Полевом, как будто бы эти люди заживо святые. Попробуй, скажи, тотчас бумага от У<варова>».⁸⁹

В начале 1837 года, с переходом «Литературных прибавлений» в руки Краевского, у Одоевского появилась надежда напечатать в них свою статью. Он снова запрашивает Шевырева:

«Да отвечайте: печатаете ли вы статью о нападениях на Пушкина? — Нас с нею мучают по грехам Иосифа Прекрасного и Фиглярина. Скажите да или нет, ибо в последнем случае ее напечатают в Лит<ературных> приб<авлениях>. . . Прощай, отвечай мне поскорее о статье о Пушкине».⁹⁰

Но Шевырев так и не отважился поместить статью, и она была возвращена Одоевскому через Я. М. Неверова.

Надежды на «Литературные прибавления», которые, по мысли Одоевского и Краевского, должны были быть органом противодействия вредному влиянию «Северной пчелы»,⁹¹ также не оправдались.

Ответы на «пчелиные гадости» и рецензии на «подлеца Фаддейку», которые Краевский в письмах так часто просил Одоевского и «выправить и просолить», было не так легко продвинуть. Статья была Краевским возвращена Одоевскому с запиской: «Возвращаю статью о Пушкине».⁹²

На рукописи позднее рукой Одоевского было написано: «Писано незадолго до кончины Пушкина — ни один из журналистов не решился напечатать, боясь Булгарина и Сенковского».⁹³

⁸⁷ «Надо непременно останавливать этого бессовестного поляка», — писал Одоевскому М. П. Погодин 1 декабря 1836 года о Сенковском («Русская старина», 1904, № 3, стр. 710).

⁸⁸ ГПБ, Отдел рукописей, фонд С. П. Шевырева, к. 2, письма В. Ф. Одоевского, л. 10 об., неопубликованное.

⁸⁹ «Русская старина», 1904, № 5, стр. 368.

⁹⁰ ГПБ, Отдел рукописей, фонд С. П. Шевырева, к. 2, письма В. Ф. Одоевского, лл. 23 об., 24. — Часть этого письма процитирована П. Н. Сакулиным в книге «Князь Одоевский» (т. I, ч. 2, М., 1913, стр. 326). Под Иосифом Прекрасным и Фигляриным подразумевались Осип Ив. Сенковский и Фаддей Булгарин.

⁹¹ В письме от 10 января 1837 года к С. А. Соболевскому Одоевский писал, что в «Литературных прибавлениях» участвуют «Пушкин, Жуковский и Вяземский» («Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 752).

⁹² ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 641, л. 22.

⁹³ ГПБ, Собрание русских автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский. «О нападениях...», л. 1 (приведено П. Н. Сакулиным в книге «Князь В. Ф. Одоевский», стр. 326).

После смерти Пушкина статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», слегка переделанная, была, как указывалось выше, с новым окончанием и с надгробным словом Пушкину присоединена к обзору пятого тома «Современника». Но новое начало и конец, дававшие наполовину свежий текст, еще более усилили резкое звучание выпадов против «триумvirата» в старой статье и придали им большую боевую устремленность и принципиальность. Кроме того, в них заключались неумеренные, с официальной точки зрения, восхваления поэта.

Статья, предназначенная для тех же «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» и в корректуре представленная в цензуру, была запрещена.

Попытки Краевского поправить дело вымарками и переделками оказались тщетными.

Чрезвычайно интересно проследить за карандашными пометами Краевского, сделанными им на тексте приведенной выше статьи.

Краевский вычеркнул и переделал все резкие выражения по отношению к Булгарину и его сообщникам, все упоминания об их клеветнических выпадах против поэта, мелочных и злобных придирках к нему, о желании их очернить его; с другой стороны, Краевским исключены из текста характеристики их как невежд, негоциантов, лишенных литературной совести, сняты обвинения в коммерческом направлении, приданном ими литературе, в излюбленной ими «площадной драке» вместо серьезной, честной критики, в противодействии возвышающим душу человека мыслям, каждому благодетельному открытию и пр.

Вместо «литературные негоцианты» читаем: «эти господа», «г. г. журналисты»; «торговая спекуляция» заменена «мелочной умственной деятельностью»; отсутствие литературной совести заменено отсутствием «беспристрастия»; колкий намек: «Пушкин бросал свой драгоценный бисер на всяком перекрестке» заменен имеющей совсем другой смысл и к тому же неверной и бесцветной фразой: «Пушкин сам как бы не дорожил своими произведениями».

В фразе: «негодование, которое невольно возбуждается во всяком русском сердце при таком известии» Краевским вычеркнуты слова «во всяком русском сердце», так как это выражение намекало на национальную принадлежность и антипатриотизм Булгарина, для которого, по характеристике Пушкина, «где хорошо, там и родина», и его братию, под флагом патриотизма и благонамеренности преследовавшую всё передовое в русской литературе. По той же причине «не знающие русского языка» превращены в «считающих себя знатоками литературного языка».

Выброшен целиком абзац об идейной непримиримости Пушкина:

«Тщетные замыслы! Они не удалась! Плачьте и рвитесь — ни одна строка Пушкина не освящала страниц, на которых печаталось во всеуслышание то, что было противно его литературной и ученой совести. Да что вам и нужды до этого? печатали бы вы, издавали бы что угодно: никто не мешал бы вам; вы имеете свой круг читателей: довольствовались бы ими. Журнал Пушкина не мог отбить у вас читателей; Пушкин не искусен был в книжной торговле; это было не его дело».

Выразительная концовка: «Но теперь Пушкина уже нет; „Современник“ его издастся в четырех книжках на нынешний год, и потом прекратится; успокойтесь же, и

продолжайте по-старому печатать и хвалить себя. . . » — заменена фразой, ничего не добавляющей к смыслу статьи: «Вот причины, которые заставили Пушкина издавать особый журнал и которые мы сочли долгом изложить здесь».

Помета Краевского под текстом: «Вторая кн<ижка>, повидимому, выражала намерение Краевского добавить к концовке несколько слов об ожидаемом читателями VI томе „Современника“» (второй книжке на 1837 год).

Из текста статьи Одоевского Краевским было также удалено всё то, что касалось «величия гения в Пушкине», гонений на поэта, «которого мы должны были бы хранить, как драгоценное свое сокровище», а в усиливающих этот намек на врагов Пушкина словах о «позднем, ложном сожалении» исключено слово «ложное».

Но труд Краевского пропал даром. 16 июля 1837 года он сообщил Одоевскому: «Статья о „Современнике“, мною исправленная и до глупости смягченная, опять запрещена г-м Корсаковым».⁹⁴

Несмотря на связи Одоевского с председателем цензурного комитета М. А. Дондуковым-Корсаковым, по словам Краевского, обещавшего Одоевскому «пропускать недозволяемое цензорами»,⁹⁵ статья осталась в редакционном портфеле Краевского и так и не увидела света.

Думаем, что в значительной степени этой неудачей вызваны жалобы Вяземского, редактора пятого тома «Современника», своим парижским друзьям на то, что «наши журналы и друзья Пушкина не смеют ничего про него печатать; с ним точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению».⁹⁶

3

Текст статьи, дающей высокую оценку журнальной деятельности Пушкина и его «Современника», самый факт работы Одоевского над статьями в защиту пушкинского журнала, настойчивые, неоднократные попытки его провести эти статьи в печать при жизни поэта, в 1836 году, и по смерти его, в начале 1837 года, опубликование одной из них с вновь составленными примечаниями в 1864 году, пусть и с почти тридцатилетним опозданием, — все это заставляет критически отнестись к выводам новейших исследований о том, что Одоевский стоял во главе оппозиции к «Современнику», был враждебен стремлениям Пушкина к насаждению «положительных познаний» и «передовой его общественно-политической тенденции».⁹⁷

Текст обнаруженной статьи этому явно противоречит. Оплакивая великую национальную утрату, Одоевский отстаивал пушкинский журнал как «лучший из всех русских журналов», подчеркивал заслугу Пушкина в создании этого журнала. Опро-

⁹⁴ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 641, л. 23. — Корсаков Петр Александрович (1790—1844), цензор и писатель, цензуrowал «Литературные прибавления».

⁹⁵ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 641, л. 14 об.

⁹⁶ «Русский архив», 1888, кн. II, № 7, стр. 303, 304.

⁹⁷ Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837). Вступительная статья Д. Благого. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 23; Ю. Г. Оксман. Комментарий к письму А. А. Краевского и В. Ф. Одоевского Пушкину. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 293—295.

вергая повторявшиеся болгаринской кликой рассуждения об издательской деятельности Пушкина как недостойном его деле, Одоевский доказывал закономерность того факта, что Пушкин — первоклассный писатель и энциклопедически образованный человек, выразитель передовых идей, откликавшийся на все «живые, возвышающие душу мысли,» — должен был взять на себя роль вождя литературного движения.

При сопоставлении текста статьи о «Современнике» с текстом статьи «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» ясно, что, употребив слова: «даже дурного журнала» (на что ссылается Ю. Г. Оксман), Одоевский хотел сказать: «пусть даже дурного журнала», используя для полемики возражение противника, с тем чтобы его тут же опровергнуть. Он это и показал, вставив в эту фразу в новой статье слова «хоть бы» («даже хоть бы дурного журнала») и добавив в скобках: «а „Современник“ между тем был лучшим из всех русских журналов». И в той и другой статье подчеркнута высокая ученость и образованность Пушкина, не забывавшего «ни одного из таинств науки» и освещавшего эту «обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением»; и там и здесь защищается право Пушкина на издание журнала, в котором бы с уважением встречались имена философов и ученых, «всякое благодетельное открытие». Неизменность своего мнения о «Современнике», как о лучшем из существующих русских журналов, Одоевский подтвердил своим деятельным участием в его издании как при жизни, так и после смерти Пушкина. К уже известным многочисленным свидетельствам об активной роли Одоевского в издании пушкинского журнала присоединяются недавно опубликованные письма к Одоевскому Б. А. Враского и И. И. Граффа от мая и ноября 1836 года по делам издания «Современника».⁹⁸ Продлением после смерти Пушкина журнал был также в значительной степени обязан Одоевскому. Ф. Ф. Вигель прямо писал ему, что в «Современнике» 1837 года он видит «алтарь, сооруженный стараниями его сотрудника, брата и приятеля».⁹⁹

Статья Одоевского в защиту «Современника» является одним из проявлений тех «стараний» об упрочении положения журнала, которое стремилась подорвать болгаринская клика еще при жизни Пушкина и которое ухудшилось после смерти поэта, когда при враждебном отношении правительственных кругов журналу угрожало полное прекращение.

Проект издания энциклопедического журнала, который Одоевский и Краевский в 1836 году хотели осуществить или в виде самостоятельного журнала «Русский зритель», или в виде «Современника», превращенного из журнала литературного в журнал общественно-политической и литературной жизни (подобно тому, как это было ими позднее сделано с «Отечественными записками» Свиньина, имевшими, помимо литературных материалов, лишь небольшой «Листок» с политическими новостями), восходил к задуманному Пушкиным и Одоевским «Современному летописцу политики, наук и литературы». Узкие рамки, в которые был против воли

⁹⁸ Пушкин в неизданной переписке современников. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 131—132; ср. с письмом Одоевского к Н. Н. Пушкиной от 10 мая 1836 года («Искусство», 1923, № 1, стр. 324—325).

⁹⁹ «Русская старина», 1904, № 7, стр. 156.

Пушкина заключен «Современник», более похожий, по мнению Белинского, «на альманах в четырех частях, нежели на журнал»,¹⁰⁰ невозможность выхода за пределы этих рамок, о которых Одоевский в примечаниях к статье «О нападениях» писал: «Враги Пушкина называли беспрестанно „Современник“ журналом — не спроста; здесь было указание цензуре на то, что Пушкин делает нечто недозволенное, ибо „Современник“ был разрешен ему как *сборник*, а не как *журнал*»,¹⁰¹ — побуждали Одоевского осуществить первоначальный проект повременного издания.

Большое значение придавал Одоевский, как это явствует из публикуемой ниже тетради под названием «Отечественные записки», общественно-политическому отделу «Современная хроника России», не разрешенному Пушкину.¹⁰² Что Одоевским владели не враждебные «Современнику» помышления, показывает то обстоятельство, что после сделанного им и Краевским в августе 1836 года предложения Пушкину совместно издавать реорганизованный «Современник», на которое Пушкин, повидимому, ответил отказом, Одоевский в октябре 1836 года выступил с горячей защитой «Современника» в статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина».

Можно думать, что в создании проекта реорганизации «Современника» ведущая роль принадлежала А. А. Краевскому, желавшему взять в свои руки общее направление издания и несколько приспособить его к требованиям Уварова и III Отделения. Одоевскому подобная «дипломатия» не была свойственна. Определить лицо журнала могла, в конечном счете, лишь литературная критика. А она в новом «Современнике» должна была осуществляться Пушкиным, а в «Отечественных записках» была отдана Белинскому, приглашение которого можно рассматривать как осуществление Одоевским намерения Пушкина привлечь критика в свой журнал. Н. Ф. Павлов именно Одоевского упрекал в том, что Белинский дал «цвет и... направление „Отечественным Запискам“».¹⁰³ То, что резкость Белинского поощрялась не Краевским, подтверждается и письмом Краевского к Белинскому в начале 1837 года, в котором Краевский, приглашая критика к участию в «Литературных прибавлениях», ограничивал его действия указанием, что «негодование, резкая острота, если угодно брань Литературные прибавления дозволяют себе печатать только, говоря о грязных закоулках нашей литературы и о гадинах, там гнездящихся: Булгариных, Гречах, Сенковских и пр.».¹⁰⁴

Пушкин, осуждавший философский идеализм Одоевского, ценил в нем полемический дар журналиста, тот «пафос истины», который, по характеристике Белинского, сквозил в лучших его произведениях и делал из него «не только писателя с большим талантом, но и человека с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевным убеждением, — человека, которого волнуют вопросы време-

¹⁰⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. Академии Наук СССР, М., 1953, стр. 347.

¹⁰¹ «Русский архив», 1864, № 7 и 8, стб. 827.

¹⁰² ГПБ, Отдел рукописей, Собрание автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский, «Отечественные записки».

¹⁰³ «Русская старина», 1904, № 4, стр. 198.

¹⁰⁴ В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 91—92.

ни. . . ».¹⁰⁵ Пушкин дорожил его сотрудничеством в «Современнике»,¹⁰⁶ «Княжну Зизи» называл «славной вещью», статью «О вражде к просвещению» — «дельной, умной и сильной». «Без Вас пропал „Современник“», — писал он Одоевскому, испрашивая у него повесть для своего журнала.¹⁰⁷

«Я питал к нему глубокое уважение и душевную любовь, — писал Одоевский, — и смею сказать гласно, что эти чувства были между нами взаимными, что могут засвидетельствовать все наши тогдашние знакомые, равно мое участие в Современнике, письма ко мне от Пушкина и проч. т. п.; после горькой его кончины я вместе с кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и П. А. Плетневым имел счастье быть редактором тех номеров Современника, которых издание было предпринято нами для того только, чтобы исполнить обязанности великого поэта, как издателя, — к подписчикам на его журнал».¹⁰⁸

Несомненно, в борьбу с журнальными врагами Пушкина Одоевский вступил с ведома и одобрения самого поэта.

Сильной стороной статей Одоевского о пушкинском «Современнике» была горячая защита Пушкина и его журнала, единственного уголка, по словам П. А. Плетнева, оставшегося «людям, уважающим и любящим прямое добро»,¹⁰⁹ обличение литературных и нелитературных врагов журнала, стремившихся ослабить русскую литературу, воспрепятствовать консолидации ее передовых сил и непосредственному их общению с широкими читательскими кругами, помешать ее совершенствованию под влиянием принципиальной журнальной критики. Этими выступлениями Одоевский оказывал существенную поддержку Пушкину, с начала 30-х годов мечтавшему о том, чтобы «монополия Греча и Булгарина пала»,¹¹⁰ и продолжал традиции «Современника», с первого номера объявившего в статье Гоголя о противодействии журналистам, получившим «монополию» самовосхвалением и доносами в литературе. Критика Одоевского во многом была созвучна как предшествующему выступлению Гоголя, поддержанному Одоевским еще в статье «О вражде к просвещению», так и последующей критике Белинского, горевавшего после смерти Пушкина, что «один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. Худо понимали его при жизни, поймут ли теперь? . . . ».¹¹¹ В написанной через год рецензии Белинского на пушкинский «Современник» 1837 года, и в том числе на пятый том, дающей отсутствующий в статьях Одоевского глубокий анализ помещенных там произведений Пушкина, звучат сходные со статьей Одоевского мотивы. «Предмет отрадный и грустный в то же время!» — пишет Белинский, разбирая пушкинские произведения, — отрадный, как свидетельство о «новом, просветленном пе-

¹⁰⁵ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, М., 1955, стр. 305, 323.

¹⁰⁶ «Пушкин уважал меня и весьма дорожил моими сочинениями и печатал их с признательностью в „Современнике“, — писал Одоевский в своем дневнике 24 ноября 1860 года («Литературное наследство», т. 22—24, 1935, стр. 117).

¹⁰⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 91, 100, 210.

¹⁰⁸ П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2, стр. 322.

¹⁰⁹ «Русская старина», 1896, № 4, стр. 202.

¹¹⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XV, 1948, стр. 27.

¹¹¹ В. Г. Белинский, Избранные письма, т. I, Гослитиздат, М., 1955, стр. 53.

риоде художественной деятельности великого поэта России», грустный — при мысли о жалком воззрении на этот период как на «период падения таланта Пушкина».¹¹² В этом же году Белинский в статье «Сочинения Николая Греча» зло осмеял Булгарина, при появлении седьмой главы «Евгения Онегина» провозгласившего на радостях на двух языках, русском и французском, «*совершенное падение, chute complète*» Пушкина.¹¹³

Той же «раздирающей душу грустию», что и Одоевского, поражает Белинского в пятом томе «Современника» письмо Жуковского о последних днях Пушкина.¹¹⁴

В статье Одоевского, проникнутой глубокой скорбью по поводу безвременной смерти поэта и негодованием по отношению к его врагам, слышны отзвуки знаменитого стихотворения Лермонтова на смерть поэта, которое (как свидетельствуют помета В. Ф. Одоевского на автографе стихотворения: «Стихотворение, которое не могло быть напечатано», и следы правки в тексте) было, повидимому, отдано для напечатания Одоевскому, как сотруднику редакции единственного в то время дружественного Пушкину петербургского литературного органа «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“»,¹¹⁵ как соредактору «Современника», поместившего ряд стихотворений в память поэта.

В словах Одоевского: «Что же теперь? Эти господа, как слышно, уже горюют о Пушкине, даже чтят его память притворными похвалами. Позднее, ложное сожаление! . . .» — чувствуется влияние стихов Лермонтова.

Одновременно с Лермонтовым Одоевский выступил против болгаринского издания «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении».¹¹⁶

Слабость статей Одоевского о Пушкине — в отсутствии в них верной политической оценки болгаринского направления, которая дана была Пушкиным, язвительно отмечавшим в своих памфлетах, что «сочинения шпиона Видока. . . не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства»,¹¹⁷ а также Лермонтовым, бичевавшим его политическую продажность, и Белинским, разоблачившим в своих статьях Булгарина и его пособников, как идеологов воинствующей реакции. Хотя Одоевский и намекает на официозность «Северной пчелы», говорит о ее противодействии всему передовому, о ее антипатриотическом скептицизме по отношению к расцветшей русской литературе, но в этом антипатриотизме Одоевский видел лишь «враждебное России польское направление», в то время как Булгарин и его окружение, преследуя всё передовое в русской литературе, были проводниками реакционной политики русского царизма и находились под опекой Бенкендорфа, хвалившего «перо Булгарина, всегда преданное власти».¹¹⁸

¹¹² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, 1953, стр. 347.

¹¹³ Там же, стр. 530.

¹¹⁴ Там же, стр. 348.

¹¹⁵ В фонде А. А. Краевского числилась копия лермонтовского стихотворения, а также стихи на смерть Пушкина — А. С. Норова, С. Волконского, Э. И. Губера, Я. Арапетова, С. Сельского и др.

¹¹⁶ Э. Найдич. Неизвестные эпиграммы Лермонтова. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 364—366.

¹¹⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, 1949, стр. 130.

¹¹⁸ «Старина и новизна», кн. 6, 1903, стр. 8.

В борьбе Пушкина с болгаринским направлением Одоевский видел не политическую борьбу, а борьбу «честного» и «коммерческого» направлений в литературе. Отвержение к «торговому направлению» литературы, характерное для эволюционировавшего к славянофильству «Московского наблюдателя», с которым был связан Одоевский, осуждалось Белинским, не видевшим, как и Пушкин, зла в сближении литераторов с книгопродавцами, несмотря на то, что «верная пожива от литературных трудов умножает число непризванных литераторов».¹¹⁹ Двойственность позиций Одоевского-журналиста была тесно связана с противоречиями его мирозерцания, в котором прогрессивные элементы, выразившиеся в его просветительских устремлениях, гуманизме, критическом отношении к многим отрицательным сторонам окружающей действительности, сочетались с реакционной идеалистической метафизикой, уводящей от реальных общественных противоречий в мир утопических построений и патриархальных идеалов. Одобрив «социальный и гражданский» дидактизм, активное противодействие гонению, воздвигнутому «против просвещения и литературы» Булгариным и Сенковским, гуманистическую защиту «добра» и продиктованное критическим отношением к действительности «стремление к истине», отличающие публицистику Одоевского, Белинский осуждал его утопический мистицизм, его непонимание тенденций современного «индустриального» развития.¹²⁰

Передовая общественно-политическая позиция Пушкина, жаждавшего коренных преобразований, взгляд Пушкина на положительные знания и промышленный прогресс как на рычаги для улучшения жизни человечества, живой интерес его к насущным потребностям жизни русского народа определили расхождение его с Одоевским, у которого критическое отношение к современной общественной жизни никогда не переходило в резкий осознанный протест против общественного зла и порождало лишь осужденные Пушкиным утопические иллюзии и философский мистицизм. Из своей критики буржуазного приобретательства, утилитаризма и эгоизма Одоевский не делал социально-политических выводов, какие делал Пушкин.

4

Мистический идеализм Одоевского, проникая в его критические статьи, вытеснял общественно-политические критерии в оценке литературных явлений, снижал полемический характер его высказываний.

В написанных в годы сотрудничества с Пушкиным статьях Одоевского «О вражде к просвещению» и «О нападениях петербургских журналистов на русского поэта Пушкина», а также в статье о «Современнике» эта ослабляющая публицистику Одоевского идеалистическая струя мало заметна. Зато с большой силой дает она о себе знать в написанной несколько позднее статье «Пушкин».¹²¹

Эта статья, которую П. Н. Сакулин обещал напечатать в приложениях ко второму тому его труда об Одоевском, так и оставшемуся неопубликованным, до сих пор

¹¹⁹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, 1953, стр. 129.

¹²⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1955, стр. 308, 311, 320.

¹²¹ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 1, переплет 83, лл. 11—19.

известна лишь по пересказу и цитатам, приведенным в первом томе работы Сакулина¹²² и в статье «Пушкин и князь В. Ф. Одоевский» Н. В. Измайлова.¹²³

Приводим этот текст полностью:

< П у ш к и н >

Пушкин! — произнесите это имя в кругу художников, постигающих всё величие искусства, в толпе простолюдинов, в толпе людей, которые никогда его сами не читали, но слышали его стихи от других — и это имя везде произведет какое-то электрическое потрясение. Отчего его кончина была семейною скорбью для целой России, отчего милость царская¹²⁴ сиротам поэта¹²⁵ была подарком для всякого русского сердца,¹²⁶ нетленным алмазом в нетленном венце русского государя? — Что сделал Пушкин? изобрел ли он молотильню, новые берда для суконной фабрики, или другое новое средство для обогащения, доставил ли вам какие удобства в вещественной жизни? Нет, рука поэта оставляла другим делателям подвиги на сем поприще¹²⁷ — отчего же имя его нам родное, более народное, возбуждает больше сочувствия, нежели все делатели на других поприщах, теснее соединенных с¹²⁸ житейскими выгодами каждого из нас.

Я не буду отвечать на эти вопросы. В царских чертогах есть многоценная картина Рафаэля,¹²⁹ она не велика, холста на нее употреблено мало, несколько гранов краски и только — но эта картина куплена огромной ценою, — но эта картина приковывает ваши взоры, она¹³⁰ вносит в душу ряд высоких неизъяснимых ощущений, она¹³¹ разверзает в самой глубине души мир, до того не достижимый простолюдину, при взгляде на неё утихают порочные страсти, невольное благоговение как бы неистощимым пламенем облекает все чувства души, вы невольно чувствуете в сердце стремле-

¹²² П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, стр. 327—328. — Извлечение из этого отрывка перепечатано в книге: Русские писатели XIX века о Пушкине, Л., 1938, стр. 117.

¹²³ Сб. «Пушкин в мировой литературе», Л., 1926, стр. 289—308.

¹²⁴ Далее зачеркнуто: «его семейству».

¹²⁵ Подразумевается снятие с наследников Пушкина долга его царю в 45 тысяч рублей, отравлявшего последние годы жизни поэта, и пожалование 50 тысяч рублей на напечатание его сочинений. Славословие этого расчитанного жеста, которым Николай I хотел произвести определенное впечатление на русскую общественность и соблюсти приличие перед Европой, объясняется не только монархическими симпатиями Одоевского, но и заискиванием его и Жуковского перед правительством, от которого зависело издание журнала и сочинений Пушкина. Они составляли докладные записки царю, представляли ко двору первые экземпляры сочинений и т. д.

¹²⁶ Далее зачеркнуто: «драгоценною жемчужиною».

¹²⁷ Далее зачеркнуто: «он посвятил жизнь свою другому поприщу и поприщу литературному».

¹²⁸ Далее зачеркнуто: «с нашею славою?».

¹²⁹ Одоевский, вероятно, имел в виду одну из Мадонн Рафаэля, приобретенных для Эрмитажа. Тот же пример находим в его черновиках статьи о творчестве Жуковского. Сравнивая высокое воздействие поэзии Жуковского с воздействием картины Рафаэля, он заключал: «душа притекает к ним <поэтическим наслаждением>, как младенец к матерней груди, — зане жизнь его в ней и в ней его сила» (ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 1, переплет 13, л. 119).

¹³⁰ Далее зачеркнуто: «пробуждает».

¹³¹ Далее зачеркнуто «пробуждает».

ние к добру, в уме рождается ряд высоких мыслей, которые отвлекают вас от¹³² жизненной грязи, от мелочей жизни, от душной земли, разверзают в душе новое, до того для вас непонятное небо. Как и отчего производят это магическое действие кусок полотна, пиитическое произведение, гармония музыкальной трубы — того не перескажет вам человеческое слово; это одна из тех тайн, на которой останавливается естествоиспытатель при виде жизни, зарождающейся в зерне растения, при виде силы, которая в человеческом организме соединяет все разнородные, противоположные друг другу стихии. Тщетны же¹³³ усилия тех, которые хотят на человеческий язык перевести жизнь поэта, остановить каждое мгновение его жизни, дать ему форму, найти её значение, как тщетны донныне все усилия естествоиспытателей заметить минуту, когда появляется первый отросток из прозябающего зерна.

Однажды, пред тою картиною, о которой мы говорили, остановилась¹³⁴ толпа любопытных. Из толпы раздавались восклицания: прекрасно, превосходно, боже-ственно! Один между зрителями рассказывал о времени, когда написана картина, о манере Рафаэля в этом периоде его художественной жизни, о размере картины, о гравюрах, с нее¹³⁵ сделанных, о красках, которые употреблял живописец, о том, что было об ней писано, кому она принадлежала, за сколько куплена, даже, кажется, о том, сколько пошло на нее холста. Некоторые слушали его с вниманием, но¹³⁶ большая часть не внимала ему, иные даже досадовали на рассказчика, зачем он прозаической речью¹³⁷ нарушает их безмятежное, сладкое созерцание. Другой стоял в отдалении от картины, устремив на нее свои взоры: спрашивали его мнения¹³⁸ — он¹³⁹ молчал и не сводил глаз с картины — в этом состоял весь ответ его.

Так бывает со всеми великими произведениями искусства, так бывает с величайшим произведением естественного художества — поэтом. Есть люди, которые любят разбирать по частям жизнь художника, отгадывать, зачем он избрал тот или другой предмет, зачем он не избрал¹⁴⁰ такой именно,¹⁴¹ — но¹⁴² большее число мало обращают внимания на эти обстоятельства, сводящие поэта на степень обыкновенного человека, они безотчетно любят великим художником, ибо он говорит им тем языком, которого нельзя передать словами, он беседует с теми¹⁴³ силами, которые углублены в безднах души, которые человек иногда сам в себе не ощущает, но

¹³² Далее зачеркнуто: «житейских забот».

¹³³ «же» вписано позднее.

¹³⁴ Далее были написаны фразы: «толпа любопытных слуш. и проч. смотр. в нач. книги. В царских палатах пред драгоценною картиною Рафаэля остановилась», со слов «смотр. в нач. книги» зачеркнутые. Это было связано с присоединением к этому месту текста старого начала статьи из записной книги. Слова: «толпа любопытных слуш. и проч.» Одоевский забыл зачеркнуть.

¹³⁵ «с нее» написано вместо зачеркнутого: «карти<ны>».

¹³⁶ Далее зачеркнуто: «другие».

¹³⁷ Далее зачеркнуто: «мешает».

¹³⁸ Далее зачеркнуто: «о карт<ине>».

¹³⁹ Далее зачеркнуто: «не отвечал».

¹⁴⁰ Далее зачеркнуто: «другого».

¹⁴¹ Далее зачеркнуто: «зачем».

¹⁴² Далее зачеркнуто: «то<лпа>»

¹⁴³ Над этими словами зачеркнуты начатые слова: «запад», «отл», а далее зачеркнуто: «глубинами».

которых¹⁴⁴ поэт ему должен высказать, чтобы он их понял. Те, которые знакомы с этими глубинами, в этом случае поступают подобно толпе, они благоговеют и безмолвствуют.

Много писали о Пушкине, но еще больше читали его; много желчи слабоумие и легкомыслие и коварство примешивали в¹⁴⁵ сосуд его славы — но обратитесь к кому бы то ни было — одно имя¹⁴⁶ Пушкина и произведен ряд высоких ощущений, в которых не одно чувство народной гордости, но и чувство поэзии; спросите того же самого человека отдать вам отчет в действии, производимом на вас его произведениями, он¹⁴⁷ в ответ вам скажет лишь одно слово: «прекрасно!» — слово глубокое, когда вылетает из глубины сердца.

Это сочувствие, этот род безотчетного обожания, производимые в людях художником или поэтом, есть явление важное, и чем безотчетнее это чувство, тем предмет его должен быть возвышеннее;¹⁴⁸ это род религиозного акта, совершаемого душою в своем неприступном святилище.¹⁴⁹ Вы легко отдадите себе отчет в назначении, в употреблении ремесленного произведения, домашней утвари, над¹⁵⁰ растением вы уже задумаетесь, человека уже растолковать себе не умеете, что же найдете сказать о высшем произведении высшего на земле события¹⁵¹ — о художественном деле?

Исследовать, оценивать художников сделалось привычкою в нашем веке; целые книги написаны о том, чтобы растолковать, почему изящное в таком-то произведении действительно изящно. Не вижу большой пользы в таких исследованиях. Кто не открыл в душе своей тех объятий, которые жаждут художественного поцелуя — для того эти исследования не понятны. Собирают ошибки, заблуждения поэта есть¹⁵² византийский педантизм; думать, что можно кому-либо писать по образцу поэта, — есть ребячество, в которое могли впасть лишь французы. Куда привело их изучение великих образцов? *l'étude des grands maîtres*? К тому, что всякая девственная сила уже невозможна на этом языке,¹⁵³ в его растленных буквах не вмещается никакая высокая мысль и сказанная на этом языке кажется пустою фразою.

Пред великим художником важно и полезно лишь одно чувство: благоговение?¹⁵⁴ Приступайте к нему с сердцем девственным, — не мудрствуя лукаво. Не держайте у него спрашивать, почему он так сделал, а не иначе. Спросите об этом у самого себя? и если можете отвечать на¹⁵⁵ сей вопрос, то благодарите Бога, что он

¹⁴⁴ Далее зачеркнуто: «пробуждение наполняет его неизъяснимым восторгом».

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: «его чашу».

¹⁴⁶ «одно имя» Одоевский начал было переделывать на «одним именем», но бросил.

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто: «не будет в состоянии выразить вам своих мыслей», а сверху последних четырех слов зачеркнуто: «вам сказать ни одного».

¹⁴⁸ Далее зачеркнуто: «пользу», «в пользу».

¹⁴⁹ Далее зачеркнуто: «Пользу».

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто: «былинкою».

¹⁵¹ Написано сверху зачеркнутого: «существа».

¹⁵² Далее зачеркнуто: «ребячество».

¹⁵³ Далее зачеркнуто: «и самая», а следующие затем слова (до слов: «высокая мысль») написаны над строкой.

¹⁵⁴ Далее зачеркнуто: «Не держайте у него спрашивать?».

¹⁵⁵ Далее зачеркнуто: «него».

открыл вам важную тайну Своего творения. — Такого рода чувство в особенности полезно для вас самих, ибо оно возводит¹⁵⁶ вашу душу на высшую степень; оно полезно и для ваших читателей, потому что силою сочувствия может также возвысить и их душу не по словам вашим, — но по собственному ее процессу, которому вы дали только закваску.

В споре за Бахчисарайский фонтан,¹⁵⁷ с одной стороны,¹⁵⁸ <был> холодный скептицизм,¹⁵⁹ с другой, — горячее, неподдельное чувство; первый не мог¹⁶⁰ уронить пиитического произведения по той же причине, почему скептицизм не может заглушить веры, последнее не могло защитить творение по той же причине, почему скептицизм не опровергаем, ибо не имеет ничего существенного.

* * *

Знаю, как озлобят эти¹⁶¹ слова виновников в сем, так называемом ими падении Пушкина, но мы уже потомство, а потомство чинит суд правый и каждому воздает по делам его.

* * *

В работах П. Н. Сакулина и Н. В. Измайлова статья была использована преимущественно для характеристики эстетических воззрений Одоевского, его философского романтизма; однако нельзя согласиться, что статья, помимо характеристики благоговейного отношения Одоевского к Пушкину, главным образом «ценна для характеристики мистической эстетики Одоевского. . . ».¹⁶²

Выходя за рамки характеристики творчества Пушкина, Одоевский ставит вопрос о критериях художественности, о методах критической оценки и протестует против рассудочного, догматического подхода к произведениям искусства. «Пушкин» Одоевского — остро полемическая и проблемная статья.

В отношении оценки значения поэта статья ценна силой восторженного преклонения перед творчеством Пушкина как мирового и национального гения, провозглашением Пушкина *народным* поэтом, имя которого производит «род электрического потрясения» в каждом «русском сердце» — как в среде просвещенных ценителей, так и в «толпе простолюдинов».

¹⁵⁶ Надписано над зачеркнутым: «возвышает».

¹⁵⁷ Имеется в виду оживленная полемика, вызванная выходом «Бахчисарайского фонтана» с известным предисловием П. А. Вяземского, отразившая борьбу между представителями романтического направления и защитниками классицизма в начале 20-х годов.

¹⁵⁸ Далее зачеркнуто: «было горячее чувство, с другой».

¹⁵⁹ Было вначале: «холодная диалектика».

¹⁶⁰ В автографе: «первая не могла», так как эти слова, вначале относившиеся к слову «диалектика», Одоевский забыл изменить.

¹⁶¹ Далее зачеркнуто: «истины».

¹⁶² Н. В. Измайлов. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. Сб. «Пушкин в мировой литературе» ГИЗ, Л., 1926, стр. 292.

В сборнике «Русские писатели XIX века о Пушкине» (1938) помещен небольшой отрывок из этой статьи под характерным заглавием «<Народный Пушкин>» (стр. 117).

Одоевский снова противопоставил свой голос гонителям Пушкина: и тем, которые преследовали его при жизни, и тем, которые, по его словам, «задумали мало по малу задушить мертвого Пушкина (ибо с живым им этого не удалось)».¹⁶³

Нужно было пресечь «наваливание кучи пошлостей» вокруг имени поэта, начатое Полевым, сблизившимся к этому времени с Гречем и Булгариным и утверждавшим, что Пушкин не «вековой гений», что он скоро будет забыт, что путь его полон падений.¹⁶⁴ Шевырев, все более утверждавшийся на реакционных позициях, продолжал ту же линию на страницах «Московского телеграфа» и писал об эскизности произведений поэта, ослаблении его деятельности в последнее время и т. д.¹⁶⁵

Полемические выпады против булгаринных и полевых находим на протяжении всей статьи и в осуждении людей, «которые любят разбирать по частям жизнь художника, отгадывать, зачем он избрал тот или другой предмет, зачем он не избрал такой именно», стараются «собирать ошибки, заблуждения поэта», и в отрицательных характеристиках гонителей Пушкина, примешавших «много желчи» «в сосуд его славы».

В концовке статьи это полемическое задание выступает уже неприкрыто: «Знаю, как озлобят эти [истины] слова виновников в сем, так называемом ими падении Пушкина, но мы уже потомство, а потомство чинит суд правый и каждому воздает по делам его».

В статье о Пушкине Одоевским был выражен протест против искажения образа великого поэта, который с еще большей резкостью проявился позднее в высказываниях Белинского, уподобившего «достойных» журналистов «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы» «моли, гле, мухам и подобным тому дрянным насекомым», которым довольно, «если им удастся хоть на минуту затемнить славу», «запачкать картину гения», но которым «истребление истинной славы никогда не удастся».¹⁶⁶

Мелким нападкам непризванных критиков Одоевский противопоставил высший суд, суд народа, его восторженное преклонение перед творчеством Пушкина. Но как нельзя было напечатать статью о «Современнике», характеризовавшую Пушкина как великого национального поэта и обличавшую опекаемых III Отделением врагов Пушкина, так же немислимо было напечатать и эту восторженную статью, посвященную памяти великого поэта, в которой были замаскированы те же обличения.

Она осталась в бумагах Одоевского в черновом виде, неперебеленной.

Мнение о том, что статья осталась незаконченной,¹⁶⁷ неверно. Оно объясняется тем обстоятельством, что последний лист («Пушкин 9»), начинавшийся с полемики

¹⁶³ Письмо Одоевского к Б. Г. Глинке-Маврину от 14 мая 1837 года. «Русская старина», 1880, № 8, стр. 805.

¹⁶⁴ «Библиотека для чтения», 1837, т. XXI, отд. I, стр. 192.

¹⁶⁵ Статья «Пушкина не стало!». «Московский наблюдатель», 1837, ч. X, стр. 122.

¹⁶⁶ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1955, стр. 39.

¹⁶⁷ Н. В. Измайлов. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. В сб. «Пушкин в мировой литературе», стр. 292.

вокруг «Бахчисарайского фонтана», был принят за лист с особым текстом. На самом деле пример с «Бахчисарайским фонтаном» был приведен Одоевским в тесной связи с утверждением на предшествующей странице, что толки о художественном произведении бесполезны.

Через много лет, когда борьба, сопровождавшая зарождение передовой русской журналистики, отошла в прошлое и явилась возможность извлечь из-под спуда статьи в защиту Пушкина уже в качестве архивных материалов, Одоевский вернулся к мысли об опубликовании статей о Пушкине и других материалов из своего архива, с ним связанных. Он пытался осуществить это снова через Краевского, имевшего возможность напечатать эти материалы на страницах «Отечественных записок».

«Некоторые из сих статей у вас залежались, между прочим, статья с автографами Пушкина, Гоголя, Грибоедова, к которой вы собирались что-то прибавить. . . », — писал Одоевский Краевскому 30 августа 1862 года.¹⁶⁸ Но Краевский, давно отошедший от своего прежнего направления, не нашел времени «для спокойного, — по его словам, — безмятежного самоуглубления в глубь прошедшего».¹⁶⁹ О статье он отзывался неведением, а насчет писем Пушкина, Гоголя и Грибоедова сообщал, что у него только копия переписки Одоевского с Пушкиным; к ней он обещал «приделать. . . кое-что из своих воспоминаний о первоначальном „Современнике“, о котором упоминается в ней не раз», но без надежды на скорое исполнение обещания.¹⁷⁰

Так и не дождавшись ничего от Краевского, Одоевский с основанием «Русского архива» передал в 1864 году статью «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» и другие материалы из своего личного архива П. И. Бартеневу. По расписке Бартенева от 5 апреля 1864 года, сохранившейся в архиве Одоевского, он взял «в присутствии С. А. Соболевского сто двадцать шесть листков (в подлинниках и копиях) разных записок, писем и пр. Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Глинки, Варнгагена и др., принадлежащих кн. В. Ф. Одоевскому».¹⁷¹

Одоевским была передана в «Русский архив» статья «О нападениях», а не статья о «Современнике», вероятно, потому, что первая носила более общий характер, чем вторая, являвшаяся в значительной своей части надгробным словом. Но возможно, что статья запрашиваемая Одоевским у Краевского, о которой тот отозвался неведением, и была статья о «Современнике», дошедшая до нас не в архиве Одоевского, а в архиве Краевского.

5

Продолжение «Современника» после смерти Пушкина потребовало больших хлопот друзей поэта, главным образом Жуковского и Одоевского. Понадобилась не одна докладная записка Жуковского царю о продолжении этого издания. О превращении «Современника», разрешенного Пушкину как сборник, альманах, в журнал

¹⁶⁸ «Русская старина», 1904, № 6, стр. 588.

¹⁶⁹ См. письмо его к В. Ф. Одоевскому от 9 сентября 1862 года («Русская старина», 1904, № 6, стр. 586).

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 217, л. 2.

энциклопедического характера нечего было и думать. Издав вместе с Жуковским, Вяземским, Плетневым и Краевским в 1837 году четыре тома журнала по принципу изданных при жизни Пушкина томов и включив в них оставшиеся после Пушкина неопубликованные и неоконченные его произведения, Одоевский с помощью Краевского приступил к осуществлению давнишнего проекта Пушкина и своего о создании журнала энциклопедического, включающего новости и литературной, и научной, и промышленной, и общественно-политической жизни России.

Отказавшись от когда-то предложенного Пушкину плана реорганизации «Современника», Одоевский и Краевский в 1838 году обратились к не возбуждавшему внимания цензуры и властей журналу Свиньина «Отечественные записки» и превратили его в журнал нового типа.

То, что издание такого рода журнала было осуществлением давнишних планов Пушкина и Одоевского, убедительно доказывается в статье А. П. Могилянского «А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных „Отечественных записок“». ¹⁷² Тем большее значение имеет история становления этого журнала, наглядно представленная в неиспользованной А. П. Могилянским тетради Одоевского под названием «Отечественные записки». ¹⁷³ Эта тетрадь конца 1838 — начала 1839 года на 36 листах с водяным знаком 1836 года (из них 17 чистых и 1 вырезан) содержит список намечавшихся сотрудников, программу журнала, предуведомление редакции и ряд других важных сведений.

Приводим наиболее интересную часть этой тетради (листы 4—9):

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ».

<Программа журнала.>

Современная хроника России.

1-е. Перечень обнародованных правительством постановлений. ¹⁷⁴

2. Происшествия в Отечестве: ¹⁷⁵

- 1) Открытия археологич<еские>. ¹⁷⁶
- 2) [Естес.] Открытия естествен<ные>.
- 3) Изобретения механич<еские>.
- 4) Открытия земледельч<еские>.
- 5) Новые здания.
- 6) Ярмонки.
- 7) Новые пути сообщения.

¹⁷² «Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 209—226.

¹⁷³ ГПБ, Отдел рукописей, Собрание русских автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский «Отечественные записки».

¹⁷⁴ Против этого пункта, справа, неустановленной рукой написано: «Алексей Иванович Емичев против Большого театра в доме полковника Никифорова».

¹⁷⁵ Против этого пункта, справа, рукою В. Ф. Одоевского написано: «Протопопов?» (имеется в виду Протопопов Дмитрий Степанович (1808—1871), член совета министерства государственных имуществ, писатель).

¹⁷⁶ Отсюда и до «Смеси» писано рукою Краевского.

- 8) Открытия новых заведений: учебных, промышленных.
 - 9) Компании на акциях.
 - 10) Выставки.
 - 11) Заседания ученых обществ.
 - 12) Температура Петербурга и другие метеорологич<еские> явления.
 - 13) Скачки.
 - 14) Конкурсы.
- Смесь

Достопамятные происшествия и примечательные сказания в журналистике.

Н<a>пр<имер> 10-е Сент. 1838 — Ст. Ф. Б.

«Сохрани меня бог от всякой лжи и неправды?»

Стединг. Он был ужасом хвастунов, тщеславных льстецов и громил их своими эпиграммами не хуже товарища моего Н. И. Греча.

Кажется 7-е Сент. Ф. Б. беседует с учеными Швеции.¹⁷⁷

Современная хроника России — [Емичев]. Бутовский¹⁷⁸ и Емичев.¹⁷⁹ Башуцкий.¹⁸⁰ Межевич¹⁸¹ в Москве.

Науки	— Губер ¹⁸² —	} Р<усская> ист<ория>».
	— Надеждин. ¹⁸³	

Математика	— Брашман, ¹⁸⁴ Перевощ<иков>. ¹⁸⁵
	— Болдырев ¹⁸⁶ — Ленин. ¹⁸⁷
	Межевич — Грамматика.
Полит<ическая> экон<омия>	— Порошин, ¹⁸⁸ Жеребцов. ¹⁸⁹
История	— Погодин. ¹⁹⁰
Химия	— Нелюбин. ¹⁹¹

¹⁷⁷ Имеются в виду очерки Ф. В. Булгарина «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции Ф. Б. в 1838 году», печатавшиеся в №№ 202—204 «Северной пчелы» (9, 10, 12 сентября) 1838 года. Сентенция о шведском адмирале В. Стединге (1751—1823) приведена на стр. 811—812.

¹⁷⁸ Бутовский Александр Иванович (1817—1890), экономист, сенатор.

¹⁷⁹ Емичев Алексей Иванович, беллетрист 1830-х годов, секретарь 2-го департамента Сената.

¹⁸⁰ Башуцкий Александр Павлович (1801—1876), беллетрист, журналист и издатель.

¹⁸¹ Межевич Василий Степанович (1814—1849), критик и публицист.

¹⁸² Губер Эдуард Иванович (1814—1847), поэт, переводчик, поместил в первых томах «Отечественных записок» очерки по истории философии.

¹⁸³ Надеждин Николай Иванович (1804—1856), критик.

¹⁸⁴ Брашман Николай Дмитриевич (1796—1866), профессор прикладной математики Московского университета.

¹⁸⁵ Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), астроном и математик.

¹⁸⁶ Болдырев Николай Васильевич (1814—1881), профессор Николаевской инженерной академии.

¹⁸⁷ Ленин Михаил Васильевич, сотрудник «Энциклопедического словаря» Плюшара.

¹⁸⁸ Порошин Виктор Степанович (1809—1868), доктор философии, профессор политической экономии в С.-Петербургском университете.

¹⁸⁹ Жеребцов Николай Арсеньевич (1807—1868), экономист.

¹⁹⁰ Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и писатель, профессор Московского университета, академик.

Ветеринарное искусство	— Горностаев. ¹⁹²
Художество —	— Козлов. ¹⁹³
	Каменский, ¹⁹⁴ Толстой, ¹⁹⁵ Григорович. ¹⁹⁶
	К<нязь> Одоевский
Домоводство —	Усов, ¹⁹⁷ К<нязь> Одоевский, Башуцкий, —
Смесь —	Савельев. ¹⁹⁸

[Отдел]

Домоводство. Промышленность

Трюфели. Красильные фабрики.

Капуста.

Слуги.

Общее примечание на обертке [к статьям Критика и Хроника].

Желая дать пристанище всем мнениям без различия партий, Редакция будет принимать статьи, написанные не только против ее убеждения, но даже в опровержение ее собственных мыслей [или статей ею напечатанных], если только сии статьи по тону своему будут соответствовать принятым в обществе законам приличия. Редакция убедительнейше просит всех особ, доставляющих ей статьи, особенно критические, избегать всего того, что относится к лицу автора и даже [избегать] не называть его по имени, ограничиваясь разбором единственно его произведения. Собственные статьи Редакции будут отличаться следующей подписью: *Ред.*

Уваров боится, что в Библиотеке <для чтения> нас обкрадут — Смотрителей нет. Никакой просьбы не поступило.

[Киселеву¹⁹⁹ написать записку об Отечественных Записках]. Писать к Эр<асту> Петр<овичу> Перцову.²⁰⁰

Писать к Як<ову> Толстому²⁰¹ — о корректуре новых повестей и к Неверову.²⁰²

¹⁹¹ Нелюбин Александр Петрович (1785—1858), химик и ботаник, профессор Медико-хирургической академии.

¹⁹² Горностаев Иван Максимович (1790—1840), сотрудник «Отечественных записок» П. П. Свинына.

¹⁹³ Козлов Андрей Протасьевич (1780—1856), хирург.

¹⁹⁴ Каменский Павел Павлович (1810—1875), писатель-искусствовед.

¹⁹⁵ Толстой Федор Петрович (1783—1873), вице-президент Академии художеств, скульптор, живописец, медалер.

¹⁹⁶ Григорович Василий Иванович (1786—1865), конференц-секретарь Академии художеств, историк искусства.

¹⁹⁷ Усов Степан Михайлович (1797—1859), профессор сельского хозяйства в С.-Петербургском университете, основатель «Земледельческой газеты».

¹⁹⁸ Савельев Павел Степанович (1814—1859), основатель Археологического общества, ориенталист.

¹⁹⁹ Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), министр государственных имуществ, член Государственного совета.

²⁰⁰ Перцов Эраст Петрович, автор комедии «Андрей Бичев, или мне смешны люди» (1833).

²⁰¹ Толстой Яков Николаевич (1791—1867), литератор, агент министерства народного просвещения за границей.

²⁰² Неверов Януарий Михайлович (1810—1893), критик и педагог.

Съездить к Оле^нину²⁰³ и переговорить об рисунках Солнцева,²⁰⁴ преимущественно об изображениях вещей Моск^{овской} Оруж^{ейной} Палаты.²⁰⁵

К проектировавшемуся Одоевским и Краевским новому журналу относится также сохранившийся в архивном фонде Одоевского двойной лист без даты (конца 1835 — начала 1836 г.), написанный его рукою, под названием:

Критика.²⁰⁶

Богословие	{ Павский. [Сидон] Баженов. ²⁰⁷ Духо ^{вные} От ^{цы} .
Философия	{ Сидонский. Одоевский. Кра ^{евский} ?.
Науки полит ^{ические} .	— Порошин. Калмыков. Хлюстин.
Естеств ^{енные} науки.	— Гесс. Одоев ^{ский} . Куторга. Фишер.
Технология.	— Филиппов. Шелехов. Энгельгардт. ²⁰⁸
Медицина.	— Яким Чаруковский. [Савенко] Смельский. ²⁰⁹ Сольский.
Математика	— Остроград ^{ский} Чижев. Буняковский. [Ленин].
Морс ^{кое дело}	— Бутенев. Крашенинников.
Военное	— Михайловский-Данилевский. Денис Давыдов. ²¹⁰
Всемирная история	— Лоренц — Краев ^{ский} Одоев ^{ский} .
Русская история	— Краевский. Бередников. Снегирев.
Восток	— Григорьев — Савельев.
Русс ^{кая} статистика и география	— Арсеньев — Заблоцкий. Кеппен. Небольсин. Любимов. Веневитинов. ²¹¹
Всеобщая статистика	— Хитров, Павел Максимóвич. ²¹²
Теория словесности	— Плетнев — Одоевский.
Повести и романы	— Одоев ^{ский} . Плетнев — Неверов.
Художества	— Григорович — Оленин. Брюлов. Мальцов.
Законоустройство	— Дегай.

²⁰³ Алексею Николаевичу.

²⁰⁴ Солнцев Федор Григорьевич (1801—1892), художник, археолог.

²⁰⁵ Эта запись со слов: «и К. Неверову» сделана рукой А. А. Краевского.

²⁰⁶ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 51.

²⁰⁷ Фамилия Баженова приписана карандашом рукой А. А. Краевского.

²⁰⁸ Фамилия Энгельгардта приписана карандашом рукой А. А. Краевского.

²⁰⁹ Фамилия Смельского вместо Савенко вписана карандашом рукой А. А. Краевского.

²¹⁰ «Денис Давыдов» — приписано карандашом рукой А. А. Краевского.

²¹¹ Любимов и Веневитинов приписаны Одоевским позднее сверху и снизу строки.

²¹² «Павел Максимóвич» — приписано карандашом рукой А. А. Краевского.

А предметы по части	— Волков и брат его.
путей сообщения	Le Nerf.
Повести	— Вл. Соллогуб. Веневитинов.
Статистика	— Веневитинов.
Путяга ²¹³	— шведскую литературу. Отчасти англ<ийской> литера- т<урой> и книгами, выходящими в Англии по физике и химии. ²¹⁴

Составленная Одоевским обширная программа журнала, охватившая все стороны русской жизни и рассчитанная на привлечение широкого круга литераторов и ученых к участию в журнале, генетически восходит к проектам Пушкина «о большом повременном издании, которое касалось бы по возможности всех главнейших сторон русской жизни».²¹⁵

²¹³ С этого слова и до конца — писано рукой Н. В. Путяты.

²¹⁴ Таким образом, кроме сотрудников энциклопедического журнала, указанных выше, а также в статье А. П. Могилянского, в отделе «Критики» названы:

Баженов Иван Гаврилович (ум. в 1886 г.), магистр богословия, духовный писатель и историк; Брюллов Александр Павлович (1798—1877), профессор архитектуры Академии художеств <?>; Буняковский Виктор Яковлевич (1804—1889), знаменитый математик, вице-президент Академии Наук; Бутенев Иван Петрович (1802—1836), капитан 2-го ранга, писатель; Волков Матвей Степанович (1802—1875), инженер путей сообщения, писатель-экономист; Волков Николай Степанович, портретист, директор школы изящных искусств в Варшаве; Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт-партизан; Дегай Павел Иванович (1792—1848), сенатор, писатель-юрист; Калмыков Петр Давыдович (1808—1860), профессор С.-Петербургского университета по кафедре энциклопедии законовещения; Кеппен Петр Иванович (1793—1864), историк, этнограф, библиограф и археолог; Куторга Степан Семенович (1805 (?))—1861), доктор медицины, профессор С.-Петербургского университета, естествовед и путешественник; Лоренц Фридрих (Федор Федорович) (1803—1861), профессор истории в Главном педагогическом институте, писатель; Мальцов Иван Сергеевич (1805—1880), переводчик, сотрудник «Московского вестника»; Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, военный историк, председатель военно-цензурного комитета; Оленин, Алексей Николаевич (1763—1843), археолог и библиограф, президент Академии художеств; Павский Герасим Петрович (1787—1863), протоирей, профессор богословия в С.-Петербургском университете, гебраист; Путяга Николай Васильевич (1802—1877), государственный деятель, литератор и историк; Савенко Петр Назарович (1796—1843), доктор медицины; Смельский Елеазар Никитич (1800—1881), доктор медицины, почетный лейб-медик; Соллогуб Владимир Александрович (1813—1888), писатель; Сольский Мартын Дмитриевич (1798—1881), доктор медицины; Фишер (фон Вальдгейм) Александр Григорьевич (1803—1884), знаменитый натуралист, профессор Московского университета, президент Московского общества испытателей природы; Хитрово <Алексей Захарович (1776—1854), государственный контролер, член Государственного совета, сенатор>; Шелехов Дмитрий Потапович (1792—1854), полковник, автор сочинений по сельскохозяйственным вопросам; Энгельгардт <Сергей Сергеевич (ум. в 1870 г.), член С.-Петербургского собрания сельских хозяев>.

²¹⁵ П. Бартнев. Программа журнала, набросанная Пушкиным около 1832-го года. «День», 1861, № 2.